

(Окончание. Начало на стр. 9)
— Название петербургской филармонии джазовой музыки как-то с этим связано?

— Разумеется. Я не знаю, что руководило Гренцем, слухи же о нем ходят разные. Одни музыканты были им недовольны, другие его восхваляли, я же считал его великим человеком. Какими бы ни были его отрицательные качества, он уловил в джазе главное и заставил других это оценить. Именно при нем джаз стал таким, каким мы сегодня его представляем. Грэнц отыскал и собрал в подвалах и на дансингах целую плеяду музыкантов, таких, как Элла Фицджеральд, Оскар Питерсон, Чарльз Паркер и множество других, до этого известных лишь кучке посетителей ночных баров. Конечно, среди них уже образовалась прослойка джаз-фанов, приходивших не пить и танцевать, а слушать музыку, но таких было очень мало, а в целом Америка и понятия не имела о зародившейся в ее каменных джунглях жемчужине. Норман Грэнц это исправил. Он создал огромную концертную бригаду и провез сначала по всем штатам, а затем и по Европе, организовывая концерты в филармонических залах, где принято слушать, а не жевать (потому-то он и назвал свою группу «Джаз по-филармонически»). Тогда джазовые музыканты, многие из которых без преувеличения были гениями, почувствовали себя артистами, а обыватель услышал прекрасную и понятную музыку, которая с тех пор стала не только развлекательной, но и концертной.

Тогда же, в 50-е и 60-е годы, родились и все основные джазовые направления. Луи Армстронг, Дюк Эллингтон, Чарли Паркер, Майлс Дэвис, Джон Колтрейн и другие гении джаза открыли все перспективы развития жанра. Позже ничего придумано не было.

— Выходит, начало вашей творческой деятельности совпало с окончательным формированием и становлением джаза.

— Да, я заинтересовался джазом где-то в середине 50-х, будучи еще школьником. Все, естественно, началось с коротковолнового приемника, ведь в те годы это была единственная возможность вкусить запретный плод. Один из приятелей моих родителей показал мне, как ловить «Голос Америки», вещающий на русском языке. Я вошел в мир джаза именно через эту дверь. И не только я. Многие мои сверстники-музыканты питались тем же, хотя потом разбрелись по другим направлениям, а я так и остался на прежних позициях.

— А как и когда вы состоялись именно как джазовый музыкант?

— Это было 21 апреля 1961 года на таллинском фестивале, где я выступил в составе квартета Юрия Вихорева, в то время очень известного музыканта и настоящего джазового подвижника. Забавно, но официально джаза в нашей стране вроде бы и не существовало, а в Таллине тем не менее проходил представительный фестиваль, где играли интересные коллективы. Отбор был весьма строг, и попасть туда было

непросто, но, заняв себя в Таллине, ты сразу же становишься заметной фигурой в якобы не существующем, а на деле ярком и многоплановом джазовом мире. Вернувшись с фестиваля, я сразу же вошел в ленинградскую джазовую элиту (хотя было мне всего 17 лет) и с этого пути больше не свернул. Так началась моя джазовая жизнь, которая закономерно привела меня к апрелю 2001 года.

— В свое время фирма «Мелодия» выпустила пластинку «Давид Голощекин плюс десять», где вы играете на десяти различных инструментах. Если не ошибаюсь, это рекорд даже для джазмена?

— Рекорд, и при желании его вполне можно включить в Книгу Гиннеса, потому что такого не было ни в Америке, ни в Европе. Впрочем, сорок лет — достаточный срок, чтобы освоить десяток инструментов. Кстати, последним (виброфоном) я овладел всего 5 лет назад; надеюсь, больше ничего не появится, потому что увеличивать асортимент нет ни времени, ни необходимости. А что до упомянутой пластинки, то она была записана совершенно случайно, «идти на рекорд» у меня и в мыслях не было.

— То есть как это случайно?!

— Я помогал своим друзьям со студии «Мелодия» проверять аппаратуру. В 1978 году они получили новый шестнадцатидорожечный магнитофон. Представляет ли?! По тем временам и в любезном отечестве?! Адская машина! Разумеется, немедленно захотелось проверить, на что она способна и как эти 16 дорожек будут работать, если поочередно записывать на них одного-двух человек. Вот мой приятель звуко-режиссер Виктор Динов и предложил мне поиграть. Я поиграл, затем все свели в единое целое, включили и услышали настоящий ансамбль. От радости (студийцы — от того, что так хорошо работает аппаратура, а я — от того, что все же неплохо играю) решили разыграть директора фирмы. Предложили послушать новый джазовый ансамбль. Он послушал. Да, говорит, хорошо играют. Кто такие? Почему не знаю? Тут ему и выложили, что это единственный в нескольких лицах Давид Голощекин. Последовало немедленное предложение записаться с максимальным количеством инструментов.

— В последнее время вас все чаще видят со скрипкой. Это ваш любимый инструмент?

— Я все свои инструменты очень люблю, а особенно тот, на котором играю в данный момент, и при этом поддается то, что я хочу. Что до скрипки, то это инструмент, не раскрытый до конца в джазе. За сто лет существования жанра едва ли наберется десять-пятнадцать человек настоящих джазовых скрипачей. А я профессиональный скрипач, получил образование именно по классу скрипки и, проиграв 35 лет на разных инструментах, понял, что мне представляется уникальная возможность показать и себя, и скрипку с интересной, нераскрытой стороны.

ОТНОСИТЕЛЬНО СЧАСТЛИВЫЙ

Давид Голощекин (со скрипкой) на концерте в Петербургской филармонии джазовой музыки.
Фото Людмилы Волковой

— Традиционно считается, что настоящими джазменами могут быть лишь негритянские музыканты. Сколько в этом утверждении правды?

— Сейчас это мнение можно смело назвать заскорузлым, хотя в свое время так думали все, в том числе и я. С точки зрения истории приоритет, действительно, был за (как нынче в Америке принято говорить) афроамериканцами. Первые 30–40 лет белых музыкантов в этом жанре практически не было. Но затем джаз интегрировался в Европу, в мировую культуру. Музыкально одаренные и образованные люди быстро усвоили саму его суть — и духовную, и техническую. Сегодня самое искусственное ухо и то не всегда определит, играет черный человек или же нет.

Можете мне поверить: не стоит заранее отдавать приоритет негритянскому музыканту. Если поставить на сцене двух музыкантов, то даже в Америке могут отдать предпочтение европейцу, или японцу, или Давиду Голощекину...

— Вы несколько раз упоминали, что в СССР официально джаза не было. А

как же Леонид Утесов и его оркестр?

— Так же, как известное изречение Козьмы Прутковка: «Если на клетке слона прочтешь надпись «буйвол», не верь глазам своим». Парадокс, но единственный советский коллектив, официально называвшийся джаз-оркестром, никакого отношения к джазу не имел, разве что по составу был несколько похож. Я очень уважаю Утесова, слава Богу, застал его в живых, бывал на его концертах, вырос чуть ли не на коленях музыкантов его оркестра. Это замечательная страница нашей культуры — яркая, сочная, радостная; но это не джаз. Только люди старшего поколения, те, кому за семьдесят, могут так называть оркестр Утесова, потому что в их время это называли джазом, а они привыкли верить печатному слову. Говорить же о том, что наш джаз начался с Утесова, неправильно. Скорее уж приоритет за оркестром Александра Варламова.

— Лет сорок назад казалось, что джаз — это музыка будущего, но сейчас он занимает не столь уж и большую нишу в мировой музыке. Почему?

— Это очень важный вопрос, над которым я много размышлял. Мне кажется, я нашел ответ. Джаз занимает примерно такое же место, как и то, что называют классикой, и имеет столько же (если не больше) поклонников. Но на классику, кроме людей, искренне ее любящих, ходят и те, кто полагает это престижным. Классическая музыка несколько официозна, а желающих приобщиться к этой официозности и так называемому хорошему тону едва ли не больше, чем истинных ценителей. Взгляните, какой ажиотаж вызывают знаменитости в этой области! Я ничего не имею против, к примеру, Спивакова или Ростроповича. Напротив! Речь о другом. О снобизме. Классическая музыка существует веками, и веками было принято ее слушать. Сначала в королевских дворцах, затем в светских салонах и, наконец, в филармониях. А джаз, он ведь откуда? Из борделей да кабаков. Менталитет же человеческий таков, что нужно не менее сотни, а то и двухсот лет, чтобы джаз утвердил себя как серьезное искусство.

— Почему, на ваш взгляд, в последнее время такой популярностью пользуются блатные песни и их имитации?

— Мне приходится много ездить, и я всегда обращаю внимание, что где звучит по радио, по телевидению, на что люди ходят (я ведь не только джазом интересуюсь). В Европе, в Америке в уши бьет примитивная, низкокачественная поп-музыка, но нигде, кроме нас, тюремный псевдоромантизм спросом не пользуется. Объяснений этому может быть несколько. Прежде всего не стоит говорить, что это свойственно именно русским, что это, дескать, русский шансон, развитие городского фольклора и так далее. В русском городском романсе прошлого века вы ничего подобного не услышите. Тогда пели и слушали чудесные вещи, может быть, несколько наивные, но добрые, светлые, искренние, мелодичные. Если хотите получить представление, послушайте Олега Погудина. Вот что у нас было! А весь этот блатной налет, озлобленность, агрессия, пьяные слезы появились позже. Мне кажется, это во многом является закономерным результатом многолетнего пребывания в лагерной системе.

К тому же за последние десять лет наверх вылезла всяческая нечисть. Кто нынешние хозяева жизни? Как правило, люди без всякого образования, причем в массе своей воры, мародеры, жулье. Вот они и поют сами о себе. Им нравятся эти песни, у них есть деньги, они платят, а следовательно, заказывают музыку. Спрос рождает предложение. Но я думаю, это пройдет. Мы, пусть медленно, пусть мучительно, но все же растаем в цивилизации.

— А что в современном искусстве, включая и кино, и живопись, и литературу, вам импонирует?

— Я не успеваю за все следить. Я не из тех, кто постоянно бывает на премьерах и читает модные книги. Кстати, книги я в последнее время читаю редко: мне кажется, сейчас пишут мало хорошего. Сплошная конъюнктура и пошлость. Наверное, все лучше, что было написано, я прочел раньше. Я могу радоваться только одному: творческие люди, к числу которых я себя отношу, свободны в проявлении своего таланта. Если он есть. Но зачастую король оказывается голым. Слишком многое рождено конъюнктурой, погоней за сиюминутной популярностью или прибылью, а не истинным талантом, и, как бы громко это сейчас ни звучало, как бы навязчиво ни рекламировалось, по сути своей остается мусором.

— Вы даете весьма не лестную оценку (с точки зрения культуры) началу XXI века, а каким, по-вашему, будет его конец?

— Да, начало века скорее всего пройдет под знаком развала, но затем обя-

зательно наступит ренессанс. Люди устанут от глупости, от тупости, от примитивизма. Человеку все-таки свойственно искать в жизни некий смысл, и ближе к середине века, в который мы вступили, обязательно что-то прорастет... Первые признаки уже появляются.

— И где?

— Везде. Но я, разумеется, наблюдаю их там, где работаю. Лет восемь назад мне казалось, что молодежь совершенно перестала интересоваться джазом, сейчас вновь проклонился интерес. Не скажу, что молодые люди валют к нам толпами, но я все чаще замечаю тех, кто ищет какую-то альтернативу тому, чем их перекармливают. Они не хотят себя считать баранами в стаде баранов, а пытаются отыскать какой-то свой путь. И эта тенденция будет распространяться на все.

Здравый смысл победит, а красота спасет мир. Это сказал не я, но я в это верю. Я и работаю во имя красоты. Смысл моей работы, мой жизни в том, что для себя я эту красоту отыскал и пытаюсь передать ее людям, чтобы они тоже ее узнали, почувствовали, приняли. Красота, если угодно, сродни религии. Сам я человек не религиозный, но красота храма, величие обряда вызывают определенное состояние души, заставляют задумываться о многом, приходить еще и еще (если, конечно, тебя не неволят). Так и искусство. Заставлять не нужно, и человек сам придет. Поэтому я никого не заставляю любить джаз, не заставлял бы, даже будь у меня такая возможность. Пусть заходит случайно, слушают, думают. Возможно, кто-то поймет, что кроме той белиберды, которую он знал раньше, существует и другая музыка. Я ведь не только исполнитель, но и пропагандист. Моя сверхзадача — сделать свое творчество таким, чтобы к моей музыке примкнуло как можно больше людей. Я должен повернуть их лицом к джазу, а джаз лицом к ним.

ИЗ ДОСЬЕ «НГ»

Давид Семенович Голощекин — джазовый музыкант-полиинструменталист (фортепиано, труба, саксофон, скрипка, контрабас, ударные, флюгель-горн, виброфон) и аранжировщик. Родился 10 июня 1944 г. в Ленинграде. В 1960 г. окончил музыкальную школу при Ленинградской государственной консерватории имени Н.А. Римского-Корсакова. С 1961 г. — профессиональный музыкант. Играл в квартете Ю. Вихорева, октете И. Петренко, биг-бэнде И. Вайнштейна. В 1969 г. создал собственный ансамбль. Организатор Ленинградского джаз-клуба. В 1989 г. основал Государственную филармонию джазовой музыки (теперь — Санкт-Петербургская филармония джазовой музыки). Народный артист России (1998).